

Комм. пратга. — 1992. — Август — С. 6.

НЕИЗВЕСТНОЕ КИНО

Кавалер Джуны и ее орденов

СТАС — человек уникальной контактности и всепроницаемости. С ним не страшно, выпивши, садиться за руль — «отмажет» от любого гаишника. С ним можно, не имея билетов, идти на любые концерты и спектакли — всегда откроются двери и найдется пара свободных мест. С ним запросто без очереди взять любой дефицит — все улыбнется и расступятся: «народ знает своих героев».

Станислав уникален еще и по месту, которое занимает в своей профессии, — у него нет конкурентов. Ярмольник? Панкратов-Черный? Вот и все, пожалуй, актеры нынешнего комедийного цеха, но они — совершенно другие «типажи». Сададьский же — один.

Комедийный дар редок, как золотая жила. И, как золотая жила, он дает баснословные барыши тем, кто ее разрабатывает. На Западе для таких ярких, «характерных» специально пишутся сценарии — Луи де Фюнес, Сорди, Бурвиль, наша же страна и здесь непостижима:

И это тоже феномен Станислава Сададьского — свою стопроцентную узнаваемость он создал, по сути, на эпизодах.

— Стас, давай встретимся на предмет интервью.

— Хоть сейчас, я знаю один клубный ресторанчик — туда идиотов не пускают...

— Это нынче дорого, я больше потрачу, чем на тебе заработаю, а за твой счет...

— И напрасно, все равно я дал зарок: пока не спущу заработанное, сниматься не буду.

— И много осталось?

— Ой, считать неохота.

— А сколько ты сейчас зарабатываешь, не секрет?

— Ни в коем случае — за съемочный день я прошу пятнадцать тысяч, а за эпизод — шестьдесят, маленькая роль требует концентрации.

— А другие актеры? Абдулов, говорят, миллион запросил...

— Мне наплевать, сколько просят другие.

— Скажи о себе, откуда ты, как стал артистом?

— Я — Стасик из Воронежа, из дома сбежал, потому что отец сильно бил. Работал на заводе в Ярославле, снимал комнатенку. Артистом хотел стать всегда, а стал... в общем, она была жутко народная и почти в четыре раза меня

старше, но как же хорошо она сохранилась!

— Расскажи о второй авантюре в своей жизни.

— Мне не хватало 300 рублей для первой поездки за границу — первой, понимаешь? Тогда это было целое состояние, надо было полгода не есть, чтобы скопить. В райкоме мне посоветовали пробить «привлеченку», то есть перечислить в фонд каких-нибудь погибших коммунистов средства от спектакля. А я работал у Галины Волчек, в «Современнике»: выносил студья на сцену — в темноте, при свете меня не выпускали. Да она бы на меня только цыкнула — и все! К счастью, я вспомнил, что являюсь секретарем комсомольской организации театра, состоящей всего из двух человек, меня и Лены Кореньевой, пошел на почту, дал телеграмму: «Москва. Кремль.

Брежневу. Дорогой Леонид Ильич! Идя навстречу... коллектив нашего театра единодушно решил передать средства от спектакля «Вечно живые» в фонд погибших коммунистов. Секретарь...»

Копию приношу Волчек: «Вы — против?» Она спрашивает: «Ты — дурак?» Я настаиваю: «Вы против, Галина Борисовна?» «Я — за. Исчезни». В общем, спасибо Брежневу.

— Говорят, что у тебя особые отношения с Джуной, я слышал от кого-то фразу: «Как она ему все это позволяет?»

— Джуна наградила меня аж тремя наградами: ассирийским орденом богини Бау, который, кроме меня, от нее получили только двое — Ельцин и Тальков, званием магистра философии и титулом

«Екселенс» — «Его превосходительство».

— За что?

— Я всегда говорю ей правду, только правду — разве этого мало? Кроме того, она считает, что артист, который вызывает улыбку, разгоняет плохое поле.

— Что самое неприятное для тебя в кинематографе?

— Когда режиссер дурак и он же — автор сценария: некуда деться.

— Когда ты бываешь счастливым?

— Когда сплю.

— Твое любимое изречение?

— «Как много артистов, которые заставляют людей плакать, и как мало артистов, которые заставляют людей смеяться». — Луи де Фюнес.

Выпуск подготовили
Юрий ГЕЙКО и
Игорь ГНЕВАШЕВ.

